

Дарья Барабаш

Конец недели. Трудная пятница

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дарья Барабаш

Конец недели. Трудная пятница

«Автор»

2025

Барабаш Д.

Конец недели. Трудная пятница / Д. Барабаш — «Автор», 2025

Соня — первокурсница социального колледжа, натура тонкая и чувствительная. Сегодня пятница, и у неё всего две пары: казалось бы, надо радоваться... Но её день выдался таким напряжённым! Виновники: историк Сергеев, учитель Яковлева и... водитель 37-й маршрутки.

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1. История | 6 |
| Глава 2. ВВС | 10 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 11 |

Дарья Барабаш

Конец недели. Трудная пятница

Пятница – конец суматошной недели и сам по себе сложный день. Сегодня у Сони две пары: история и введение в специальность. Социальный колледж Ульяновска, первый курс – на учителя младших классов. Поехали!

Глава 1. История

Историк опоздал на полчаса. Он зашёл в аудиторию в спешке. Все встали, приветствуя учителя. Аудитория была большая, 709, рассчитанная на две группы. Но человек было не так уж и много, хотя собрались все "учителя" потока.

– Вы провинились. Как вы написали контрольную? Отбились от рук!

В руке у него была тонкая, жёсткая палка, дубинка. Он постукивал ею по своей руке.

– Будем писать новую контрольную? Или будем стрелять? – шлепок, шлепок, шлепок...

Соня тревожно наблюдала за каждым движением его руки. Историк постукивал дубинкой горделиво и показушно, но с каждым новым ударом Соня невольно замирала и сжималась.

Она к своим семнадцати годам уже сильно насмотрелась на драки, побои и прочее. Слава Богу, не в своей собственной жизни, но через триллеры, боевики и криминал. В сериалах и кино токсичное поведение наравне с насилием давно стали привычным делом.

Всего этого было даже более, чем достаточно, чтобы в реальной жизни её попеременно тошнило и раздражало подобное. Или, как сейчас, – заставляло вздрагивать. В голове тут же всплывали все подходящие по сценам сюжеты фильмов, и Соне становилось до трясучки жутко. Насмотрелась, на свою беду!

А угрожающие шлепки тем временем раздавались прямо перед носом. Они звучали пронзительно и настойчиво ранили Сонины перепонки в скребущей сердце до самого его донышка тишине. Что-то из рода гипноза происходило с её слухом, менталкой и телом – глухие звуки палки прегнусно искажались.

Прямо сейчас все злодеи-агрессоры воплощались в одном историке, и все жертвы – в самой Соне. Тем более что стояла она точно перед историком напротив.

– Садитесь, – наконец сказал Сергеев, прекратив "пытку", и все сели.

Он бросил опасную палку на свой стол. Соня испуганным взглядом проследила её недолгий полёт и жёсткое падение. И вздрогнула, словно дубинка таки пришлась прямо ей по хребту.

А историк был доволен своими действиями и произведённым на учеников эффектом. Он тут же продолжил тираду:

– Слушайте сюда и отвечайте: на следующей неделе будут спортивные состязания, зарница. Будете участвовать?

– А что там будет? – донеслось с дальних концов несмелое.

– Испытания на выносливость.

Историк принялся расхаживать туда-сюда вдоль электронной и обычной доски, как по подиуму:

– Бег три километра в защитном костюме с противогазом, ходьба на лыжах, плавание, подвижные и спортивные игры... упражнения, гимнастика. И прочие физические прелести. "ПД"шки* вот участвуют, а вы – финики!

(* Группа "ПД" – правоохранители.)

"Должно быть, его речь была призвана произвести на нас впечатление..." – подумала Соня, вздыхая.

Она сидела за первой партой, и пар Сергеев выпускал прямо перед ней. Благо, повыше её головы. Но его энергетическое поле всё-таки било в её поле, и она старалась не смотреть на него.

Поднимая голову и глаза, Соня разочаровывалась всякий раз. Смотреть ей тут было не на что: насмотрелась уже с начала года. Второй семестр пошёл, и, знаете, надоело: приелось, пресытилось... надоело.

Кроме раздражения этот настоятельный призыв к делу не вызывал в Соне ничего. Раздражение с примесью приятного, как горечь трав и пряности, которые люди время от времени едят вместо сладостей... И почему это стало синонимом для уроков истории Сергеева?

Историк был, с одной стороны, достаточно молодой, чтобы нравиться студенткам до и около двадцати... А с другой – предостаточно уже поживший, чтобы пугать своих учеников всяческими "реальными историями" из собственной обильной жизни. И этим самым ему удавалось завлекать в свой фан-клуб даже клёвых ребят, парней-не-промахов.

В общем, было ему тридцать два года. Но хочется добавить, что не от роду, а будто бы наоборот, как от смерти.

Историк вообще был весь кругом человек противоречивый. Простой и адекватный для "зашкварного", слишком странный – для нормального, – а уж тем более не только человека, но именно учителя.

Интонация в момент той речи была у него интересная: соответствующая, с ехидным и едким укором. Неприятное чувство рождалось под действием с нею сказанных слов историка.

Соня искренне не понимала и продолжала задаваться вопросом: "Почему?"

Почему учителя должны, по его, Сергеева, мнению и наставлениям, бежать в противогазах, на лыжах, стрелять, и ещё что? Почему он спрашивает с них и ждёт того же, что должны уметь одни правоохранители? При чём вообще здесь воспитатели детсада и педагоги начальных классов?! Где связь?

Что-нибудь, что Соня упускает из виду – что это, где это?

Почему историк так навязчив, в конце концов! При одних его словах, близких по смыслу с "мы с вами сможем пострелять", у Сони скоро глаз станет дёргаться нервным тиком. Сколько же можно!

"Редкая лекция Сергеева проходила без весёлых историй про насилие, сексуальных тем во всяческих их видах, проблем и детального негатива из реальной жизни. Этот оттенок сурового налёта он показательно вёл из истории прошлого в жизнь нынешнюю, повседневную, сопоставляя события из лекций нашей программы с ситуациями, случавшимися с ним самим в юности, годы ранее и на днях.

Зачастую он, как неутомимый, увлечённый разговором собеседник, рассказывал к каждому факту мировой истории истории свои собственные. И исторические факты служили для него лишь только триггером, пускающим ход собственных изъяснений", – сама себе, для облегчения, строчила Соня в свою тетрадь карандашом, да почерком поменьше. Так, что потом и не прикопаешься, можно будет стереть...

Он переходил грань, как для Сони. И не то, что бы историк использовал живые примеры для наглядности. Он шёл в дебри жизни, увлекаясь поводами, которые предоставляла ему собственная дисциплина. Он почти что не вёл сам предмет "история".

Сергеев был историк, БЖДшник* и, в общем, всевозможно связан с правоохранителями, медициной, археологией... Да в целом специфичными сферами жизни. Всё это, вся его жизнь и опыт накладывали на него свой отпечаток, считать который удавалось буквально с полутона его манеры подачи материала. И удавалось это любому человеку другого склада ума, – вот как нашей светлой Соне.

(* БЖД – безопасность жизнедеятельности, то же привычное всем ОБЖ.)

– Я пришёл к ним в церковь со своей свечкой, большущую такую свечу поставил. Ко мне подошёл местный батюшка и знаете, что сказал? Батюшка мне сказал: "Эти приносные свечки не из храма здесь не работают". И выбросил мою свечку, – Сергеев улыбнулся и тут же коротко рассмеялся.

Вышло, как для Сони, уж больно нервно.

Соня в ответ этому жала губы и ёжилась, а историк продолжал:

– Почему я не могу крестить ребёнка у себя дома? Святая вода, она и вне храма святая, ну, по логике, так? Берёшь святую воду, набираешь у себя дома ванну, купаешься... Ну, там определённый нужен ритуал. Но вообще почему нет? Я могу крестить себя сам, дома.

Соня хлопала глазами над тетрадь. Мысли такого рода как искренне верующую – в то, что Бог есть – очень её смущали. И почему такое вообще приходит историку в голову, беспокоит его? К чему ведут эти суждения про церковь?

Понятно же, что с такой логикой церковь, выходит, и не нужна, не особое вовсе место, а, так!

Что церковь – место на Земле, как и твой собственный дом, и твоя ванная – Соня сама понимала это. Но, в отличие от преподавателя, никаких противоречий у неё это не вызывало, и уже давно. Для неё вопрос этот был решённый: у церкви есть свои особенности и церковь как организация и как место – она нужна. И это стоит вне сомнений.

А уж каждый верующий, как и любой другой человек, выбирает сам, ходить ли ему туда или нет. Но есть точно предусмотренный путь: молиться в церкви, ходить на службу, креститься – в церкви... А если и не хочешь – так кто же тебя заставляет? Нет здесь ничего подобного, никакого принуждения.

Соня сама знала, что могла бы и должна бы больше ходить в церковь. Пускай даже для этого душевно полного, чистого состояния и благоговения перед высшим началом, после которого будто преображаешься и напитываешься силой.

"Надо чаще там быть!" – подумала она про себя. Да кто же делает всё идеально?

"Всё нормально, и так тоже хорошо можно жить и верить. А уж если так это необходимо и важно – в церкви быть регулярно – то мне просто есть, над чем работать", – думала она.

И потому искренне не понимала сомнения, озвучиваемые вслух, во всеулышание взрослым Сергеевым!

У Сони папа тоже иногда спрашивал, казалось бы, очевидные вещи. Но здесь тема была ещё и тонкая: нежная, горячая для сердца. И Соня ощущала, что историк тронул её как-то слишком уж небрежно и неосторожно – неуважительно. С каким-то пренебрежением звучала его речь.

– А венчание? – не унимался педагог Сергеев. – Один ритуал стоит до десяти тысяч. А вся процедура – полноценно, с фатой, платьем, костюмом нарядным – под шестьдесят тысяч стоит! И куда, на что церкви все эти деньги? Просто поклясться паре людей при свидетеле, что они теперь муж и жена. Обещание, что они будут вместе, которое скрепит Господь Бог. А наедине? Если то же самое сделать не в церкви, то Бог, Всевышний, не увидит?

Все в аудитории молчали. Историк продолжал монолог:

– То есть как грехи: взятки брать, в туалете ср*ть, тужиться и вытирать жопу – Он видит. А как двое любящих людей образуют брачный союз – Он *не* видит?

У Сони расширились глаза, она тревожно прислушивалась к словам Сергеева.

"Нет, Боже, это уже перебор, это слишком! Как много он на себя берёт!" – испуганно, с долей действительной богобоязни думала она в те мгновения.

– Дорога в ад мне обеспечена, – закончил развитие этой темы историк, как бы сам себя успокаивая. – Вы все здесь попадёте в ад.

Взять сильную тему религии и свести всё так неприятно и мерзко к такому завершению... Соне не было весело. Соня в самом деле переживала душевные муки и мысленно, как умела, своими словами молилась Богу.

Она не хотела в ад, искренне! Ей было жаль, что для Сергеева религия и вера были смешным делом. Вместе с тем, она чувствовала укол совести, что светлое начало в её глазах только что было так помарано. Она старалась очиститься от только что услышанного.

Но слова Сергеева, напротив, особенно сильно вертелись на подкорке её сознания. Он не говорил это настолько уж навязчиво, скорее, искренне делился своим рассуждением. И, может

быть, именно поэтому его небрежные, глупые слова не выходили теперь из её головы. И Сонин лоб неприятно болел.

"Знали бы мои подружки, что я чувствовала тогда! Когда у всех всё было в порядке, и они обе привычно занимались своими делами. Они улыбались и смеялись, не обращая внимания на мои чувства", – горько, со слёзной ноткой подумала Соня, находясь под впечатлением от своей первой пятничной пары.

Глава 2. ВВС

В кабинете на месте учителя сидела незнакомая девушка с пышными формами, молодая на вид. Соня и её подруга-староста решили, что эту пару она заменяет Глафиру Ильиничну.

Отношение к ней с самого порога было соответствующее: уважительное. Соня с Риммой устроились за первой партой первого ряда. Римма подняла всех, когда прозвенел звонок, чтобы поприветствовать педагога.

Но девушка возразила, что ещё не начало пары и она не их учитель. Мол, зачем это они вообще встали. Все сели, и ребята за спиной Риммы повозмутились на неё за ложную тревогу.

Сидели несколько минут, занимаясь своими делами. Соня стала разглядывать незнакомку: пышная девушка была с красивым, модным макияжем. Она что-то делала в телефоне, но нужного результата у неё никак не получалось.

Соня заботилась о её беспокойстве и хотела помочь: она стала поглядывать в сторону подруги, не решаясь самой отвлечь учительницу. Незнакомка не просила помощи, но наверняка в ней нуждалась. Соня подумала, что у неё, наверное, не включается презентация, – какие-то проблемы с переносом её на компьютер.

Соня сомневалась, верны ли её догадки, и тихо наблюдала за незнакомкой. Девушка же тщетно пыталась решить свою задачу. Наконец из троих заговорила первой Римма:

– Вы учитель?

– Да, будущий, я на четвёртом курсе, – ответила незнакомка. Довольно равнодушно и холодно, с уставшей манерой, как будто бы объясняла это сотый раз на дню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.